

ВЛАД РАЙБЕР

КРАЙ МЕРТВЕЦОВ

Влад Райбер

Край мертвецов

«Автор»

2023

Райбер В.

Край мертвецов / В. Райбер — «Автор», 2023

Мертвецы воскресли. Вернулись домой из моргов и с кладбищ. Сначала они были молчаливы и ни на что не реагировали. Кто сутки напролёт смотрел в окно, кто сидел в кресле... А когда все уверились, что они безобидны, случилась трагедия: мёртвый убил живого. Почему «зомби» едят людей? Может, потому что они видели это в кино при жизни? Влияние массовой культуры? Не важно! Спасайся, пока не сожрали! В новую книгу писателя ужасов Влада Райбера вошёл цикл рассказов «Край мертвецов». Истории о мире, где «зомби-апокалипсис» всё-таки случился. Плюс десять новых рассказов из цикла «В темноте и холоде». Приготовьтесь, вам будет страшно.

© Райбер В., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Благодарности	5
От автора	6
Край мертвецов	7
Эпизод 1. Злая ночь	8
Эпизод 2. Хирургическое отделение	13
Эпизод 3. Дорогой дневник	18
Эпизод 4. «Подружки» и «Стальная братва»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Влад Райбер

Край мертвецов

Благодарности

Я благодарю читателей Антона Ломоносова, Данила Переяслова, Нину Скоморохову, Екатерину Булатову, Данила Глаголева, Владимира Пинегина и Марию Трусову. Все названные люди ускорили публикацию этой книги!

*Благодарю Алёну Кулакову, которая редактировала текст.
Вот так много людей сделали свой вклад, чтобы новый сборник вышел.
Спасибо!*

От автора

Ютубер Филипп Тёмный – автор канала DARK PHIL предложил мне написать цикл историй об оживших мертвецах. Ну, вы знаете: люди восстают из мёртвых в виде безумных каннибалов, толпами ходят по улицам, вытянув вперёд руки. Или бегают, как оголтелые!

И я подумал: «О-о-о, да!».

Я смотрел десятки фильмов в жанре «зомби-муви». Я читал роман Джона Руссо «Ночь живых мертвецов». Я играл в Resident Evil в конце концов.

Стал ли я писать по их канонам? Нет. Мне так не интересно. Я всегда хочу создать свою вселенную. Рассказать что-то новое, работая в старом жанре.

Воображение понеслось: обычно мертвецов воскрешает какой-нибудь вирус. А у меня будет паразит, вроде повилики у растений.

«Тред» – жёлтые нити, пронизывающие всё человеческое тело. Моих мертвецов нельзя убить выстрелом в голову. Они хоть до костей могут согнуть, нитевидный паразит заменит им мышцы. Лучше бы с ними справляться оружием ближнего боя и подходить к этому с фантазией.

Я придумал много разных видов мертвецов: «классические» ходячие, «умники» с остатками разума, бегущие мертвецы-тараны, из которых торчат острые кости, мертвецы-мухободы... Да, я ещё много чего придумал, мысленно прорабатывая *зомбивселенную*.

Этот цикл мог бы долго развиваться. Новые герои, новые события и никогда финал! Как можно «закончить» вселенную? В неё можно заглядывать снова и снова, открывать новые подробности. Мне было интересно писать истории в её рамках, а Филипп с удовольствием их озвучивал.

Цикл «Край мертвецов» мог стать большим сериалом, но ограничился шестью эпизодами. Все они вошли в эту книгу.

Второй части этого сборника я дал название «В темноте и холоде». Это десять не связанных между собой страшных рассказов. Их я тоже писал для каналов DARK PHIL и NOSFERATU. И для ещё одного популярного канала, который не стану называть, поскольку наше сотрудничество давно закончилось и там они выходили без упоминания меня, как автора. *(В предыдущей книге «Попробуй уснуть» я подробно рассказывал эту историю).*

Приятного чтения!

Край мертвецов

Что делать если ты сдох? Нападай на людей и ешь их. А что тебе ещё остаётся?

Эпизод 1. Злая ночь

Всем стало беспокойно, когда проводы в последний путь в нашем селе стали частыми. Бывало на одной неделе хоронили сразу троих. У нас всего проживало полторы тысячи человек. Было чувство, что такими темпами мы все перемрём как мухи.

Семьи теряли стариков и людей среднего возраста. Говорили, что это новый штамм. Всюду можно было услышать разговоры в духе: «А этого знаешь? И его вчера не стало!». Как ни пойдёшь мимо кладбища – опять копают. Но самое страшное было ещё впереди.

В семье Исакова помер дед. Его привезли в село уже в погребальном костюме. Исаков смотрит – у деда руки и ноги скреплены пластиковыми хомутами, а «похоронщики» говорят, что по новым правилам следует хоронить так. Объяснять подробно никто ничего не собирался.

Надо знать Исакова – он псих, сразу устроил скандал. Начал орать: «Вы зачем покойнику руки, ноги связали? Я вам сейчас дам новые правила!». Спорить с ним было бесполезно – хомуты срезали.

На похоронах Исаков подошёл к гробу и отдёргнулся. Сказал, что видел, как дед шевельнул пальцами. Стал трясти мертвеца за плечи: «Дед! Ты чего живой ещё?».

Жена оттащила дурака подальше, говорила: «Уйди! Не делай срам на всю деревню!». Он всё не унимался. Когда гроб опускали в землю, Исаков орал:

– Живой он! Не слышите? Он стучит из гроба!

Кто-то ещё из «проводжающих» сказал, что тоже слышал стуки. Не похороны получились, а пьяный шабаш. Когда гроб закопали, люди торопливо разошлись. Стыдобища!

А спустя неделю по селу прошёл слух, что Исаков ночью откопал деда и привёл домой.

– Что значит «привёл»? Он же умер!

– Получается, что не умер.

Не знаю, что на меня нашло – я пошёл к Исакову, узнавать правда это или не правда. Он возился в саду, подпиливал ветки. Я заглянул через забор, поздоровался, спросил, как дела, и сказал:

– Слушай, люди болтают, что ты деда привёл с кладбища. Зачем они так?

Исаков открыл передо мной калитку и дёрнул головой:

– Заходи!

Он привёл меня в дом. Его жена мне не обрадовалась. Она была сама не своя. А Исаков был весёлый, он показал мне комнату, где сидел его недавно умерший родственник. Старик развалился в кресле, ноги его укрывал плед. В комнате были закрыты шторы и сразу не поймёшь в темноте: в самом деле он живой или безумный внук притащил домой покойника?

Но потом я увидел, что старик обратил на меня взгляд. Дед будто узнал меня, открыл беззубый рот и протянул:

– Э-э-э!

– А я говорил, что мой дед живой! – обрадовался Исаков.

За его спиной появилась жена:

– Да разуй глаза! Он синий весь! Он не дышит. Слова сказать не может, сидит и смотрит в стену. Это уже не человек! Это упырь!

– Пошла отсюда! – заорал на неё муж. – С моим дедом всё в порядке. Он отойдёт. Нас нарочно заставляют хоронить живых родственников, чтобы не платить им пенсии! Я буду в суд подавать!

– А что, правда не дышит? – тихонько спросил я.

– Лёша, не слушай дуру! Нормально с ним всё! – уверял Исаков.

От этого деда исходил запах мокрой земли. Увиденное легло грузом на мою психику. Я будто заглянул не к соседу в гости, а в чей-то кошмарный сон. И куда мне теперь было деть мысли, что теперь в селе, среди живых есть ходячий покойник?

Чтобы отвлечься, я полол и поливал огород, и сам всё размышлял: а что другие недавно усопшие? Их тоже закопали в землю не до конца умершими?

Пока я думал, другие уже проверили. Подозрение об этом закралось, когда я проходил мимо кладбища и увидел, что свежие могилы не в порядке. Некоторые выглядели так, будто их недавно откапывали. Сельчане приходили за своими родственниками, которые умерли от неизвестной болезни.

Большинство тех, кто недавно потеряли родных не стали тревожить могилы. Но некоторые семьи пожелали вернуть своих мертвецов с кладбища. Они держали это в тайне. Прятали их дома.

Меня это беспокоило. Мёртвые среди живых – это такое, что в голове не укладывается. И ещё неизвестно, чем это может закончиться. Я думал, что если никто с этим не разберётся, тогда я сам подниму шум. Надо было навести порядок.

Похоже, паниковал я один. Другие люди молчали. Возвращённые покойники вели себя тихо, по улицам не ходили. Новой вспышки болезни не было. Зачем зря суетиться? Может, это чудо господне?

Но, к сожалению, я оказался прав. В семье Савиных случилась трагедия... Они с кладбища вернули отца двоих детей, после того, как он месяц пролежал в гробу.

И днём, и ночью мужчина неподвижно стоял у окна и смотрел перед собой. Ему было всё равно открыты шторы или задёрнуты. Все надеялись, что рано или поздно мёртвые придут в себя и будут вести себя как раньше, но ничего не менялось.

Пятнадцатилетний сын подошёл к отцу и стал его теребить:

– Пап, ну хватит тут стоять. Ты меня слышишь? Очнись! Сделай хоть что-нибудь!

И папа сделал. Он развернулся, взревел и впился зубами сыну в руку. Вырвал кусок плоти, а потом опять встал у окна, как будто ничего и не было. Сын упал и задёргался, как в лихорадке.

Пока Савины пытались позвонить в скорую, сын перестал дышать, а потом вдруг воскрес. Поднялся и убежал на улицу, как сумасшедший. Вот и началось...

Был вечер, люди готовились ко сну и тут у мертвецов пошла «цепная реакция». Как только один стал агрессивен, так и другие взбунтовались.

Когда мне об этом сказали, я не поверил. Шёл в магазин и увидел, как несколько машин унеслись подальше от села, и над дорогой повис столп пыли. Со всех сторон слышались беспокойные голоса людей, выли собаки. И прежде, чем я успел спросить, мне крикнули из ближайшего дома:

– Прячься! Беги домой! Мертвецы! Мертвецы нападают!

Это был Дектярёв. Он и рассказал мне о том, что случилось в семье Савиных.

Самое смешное... нет, скорее самое страшное – я с самого начала предполагал, что всё может обернуться именно так. А кому не приходила в голову эта мысль? Мертвецы ожили? А почему не нападают на людей, не едят мозги, не рвут зубами плоть, не пополняют свою численность за счёт убитых, как это показывают в кино? Это настолько избитый жанр, что он стал пародией сам на себя. Как всё это могло случиться в реальности?

Я не мог поверить. Мне были нужны доказательства. Напряжение висело в воздухе, но я не видел поблизости никаких мертвецов. Деревенские улицы были пусты и сумрачны.

Я был неподалёку от дома Исакова. Вот у кого можно спросить. С него всё началось. Он мне скажет есть ли повод для паники или всё это ложные слухи.

Я пошёл к его дому, постучался, крикнул: «Сосед!». Никто не отозвался.

Было не заперто. Я прошёл и услышал плаксивый голос жены Исакова:

- Кто там? – женщина кричала из ванной.
- Что случилось? Почему вы закрылись? – спросил я.
- Помоги мужу! Он в комнате! – только и крикнула она.

Нутро мне подсказало, что лучше бы уносить отсюда ноги, но я пошёл посмотреть, чего так испугалась женщина.

Исаков лежал на полу лицом вниз. В его затылке торчала тятка. Зубья вошли глубоко в череп. Было ясно, что с такой травмой ему не жить. Над телом склонился его дед. То ли он пытался укусить его за шею беззубым ртом, то ли слизывал кровь.

Я попятился обратно в прихожую, постучался в ванную.

– Это дед его так? Тяткой в голову! – у меня дрожал подбородок.

– Муж деда хотел заново научить работать инструментами, а он на него напал! – кричала женщина через дверь. – Что там происходит? Он живой?

Я не стал отвечать, а только потребовал:

– Открывайте! Пойдёмте отсюда быстрее!

– Не пойду! Никуда не пойду! – ответила женщина.

Я так и оставил её в доме. Вышел на улицу. Там совсем стемнело. Всё та же суeta, крики, гомон. По улицам во мраке ходили и бегали неясные фигуры. Не поймёшь, не то живые, не то мёртвые!

Надо было кому-то звонить, вызывать помощь. Я полез в карман – телефона не было. Дома оставил!

Что же мне добираться в одиночку по улицам? Мой дом не близко. Меня же схватят! Укусят! Обратят!

Надо было найти укрытие и спрятаться. Кто бы меня приютил. Андрюшка! Мой брат. Он жил от Исакова неподалёку.

Я присел, чтобы меня не видели и побежал гуськом вдоль заборов. По дороге я попался на глаза одному мертвецу с прокусанной шеей. Но он на меня не бросился. Видимо только воскрес и ещё не разобрался, что к чему.

Я не стучался через калитку, а сразу сиганул через неё. Подбежал к дому, стучал и в окна, и в дверь:

– Андрюшка! Открой! Помоги! Это я! Твой брат! Пусти меня!

Дверь открылась, меня за воротник схватила здоровая, жилистая рука и втащила внутрь.

Я завопил:

– А-а-а!

Думал меня схватил один из этих. Но то был Андрюшка. Живой и в здравом уме. Он приставил палец к губам и сказал:

– Т-с-с-с! Не ори! Сейчас всех сюда созовёшь.

В его доме не горел свет. Я умолк.

– Лёша, там правда мертвецы ходят? – спросил Андрюшка.

– Правда! – ответил я.

– Ну, дела!

Я впервые в жизни был у него в гостях. Мы с Андрюшкой были братьями по отцу, и никогда толком не разговаривали, а только здоровались, если виделись на улице. Честно, я даже чувствовал неловкость от того, что мы родня и носим одну фамилию. Андрюшка был младше меня на год. Я был ещё младенцем, а батька уже переметнулся от моей матери к его. Нас связывала не только кровь, но и нехорошая история, потому между нами всегда была преграда. Но когда в селе начался хаос, так сразу стали настоящими братьями, будто всю жизнь общались.

– Ты вызвал помощь? – спросил я шёпотом.

– Связь плохая! – ответил брат. – Никуда не могу позвонить, как будто всё занято! Интернета нет. Наверное, что-то случилось с вышкой. Может мертвецы влезли в будку с оборудованием?

– Или такое повсюду, – предположил я. – Многие уехали, но до сих пор нет помощи. Тут до города всего десять километров... Ты включал телевизор? Что там говорят?

– Нет, у меня телевизора, – сказал Андрюшка. – Не нужен мне этот зомбоящик.

Я просунул голову в шторы. У соседнего дома рябила толпа. Не меньше десятка мертвецов ходили от окна к окну. Вытаптывали палисадник, падали, поднимались и снова бились в стены, как мотыльки.

Там были две старухи в погребальных платьях, был мужик, которому, похоже, недавно отгрызли правую руку, а левая болталась на одних жилах. В толпе был сельский учитель начальных классов – тоже мёртвый. Одежда изорвана, окровавлена.

Толпа мертвецов пыталась войти внутрь. То в одном, то в другом окне появлялись лица двух подростков и матери. Они кричали, звали на помощь, но только привлекали во двор ещё больше ходячих покойников.

Дом у них был одноэтажный. Окна старые, с деревянными рамами, такие стёкла легко разбить.

Андрюшка тоже выглянул из-за шторы, и мы вместе наблюдали эту страшную картину. Мы ничем не могли помочь той семье.

Во дворе появилась крупная женщина в ночной рубашке. От подбородка до груди, она была перемазана кровью. Похоже, успела кем-то поужинать.

– Смотри, это же их тётка! – сказал Андрюха.

Женщина в ночной рубашке втиснулась в толпу, растолкала мертвецов от двери и потянулась к верхнему наличнику. Она достала оттуда ключ и начала неуклюже ковырять им в замочной скважине.

– Так они что... соображают? – спросил я шёпотом.

– Ага, она не забыла, где лежит ключ, – сказал брат. – Значит, не такие уж они глупые.

Тётка справилась с дверью, вошла внутрь, а за ней потянулась толпа других мертвецов. В доме слышались детские вопли.

Я не в силах был на это смотреть. Сел на диван, схватился за голову. Андрюшка так и стоял у окна и рассказывал, что там происходит:

– Таньку покусали и детей её тоже. Быстро же они обратились. Один укус и всё – ты один из них... Все вышли из дома и теперь толкаются в забор. Ищут выход.

– Почему они это делают? – спросил я, будто Андрюшка знал больше меня. – Зачем нападают на людей и едят их? Ведь они были спокойные, никого не трогали.

– Не знаю, – ответил брат. – Может, потому, что они при жизни видели это в кино? Это влияние массовой культуры. За нас давно придумали, как себя вести, если станешь зомби. Вот представь: ты мертвяк, мозг толком не соображает. Что тебе делать? А что делают живые мертвецы? Нападают на людей и едят их. Один мертвец до этого додумался, а другие подхватили. Вот тебе и зомбиапокалипсис, каким мы его с удовольствием представляли!.. Сейчас это не важно. Давай подумаем, что будем делать?

Вариантов у нас было немного: либо прятаться в доме, либо бежать из села. У Андрюшки не было машины, а моя в ремонте.

– Лёшка, тут оставаться нельзя, у меня дом как сарай, если в окна влезут, то нам конец. Пойдём к батю! У него и оружие есть! – предложил брат.

Я согласился. Верно он придумал! Мы вооружились садовыми инструментами. Андрюшка взял мотыгу, а я лопату, и мы пошли через огороды. По пути нам дважды пришлось отбиваться от мёртвых соседей. Мы никому не разбивали головы, а только отпихивали их от себя инструментами и бежали дальше.

Наш отец жил в большом двухэтажном доме за кирпичным забором. Мы помогли друг другу перелезть. Ломанулись в дверь – закрыто. Стали ходить вокруг дома.

– Ты посмотри на это! – сказал Андрюха, заглянув в окно.

В комнате был наш батя. Он тоже стал ходячим покойником... У него был вспорот живот, кишки висели до самого пола. Папка стоял у сейфа и тыкал в кнопки. Он пытался вспомнить пароль. Палец уже истёрся до мяса и панель клавиатуры была вся в крови.

– Он хочет ружьё взять? – спросил я.

– Похоже! – ответил Андрюха.

Сейф щёлкнул. Дверь открылась.

– Давай выьем окно на счёт три! Стукнем ему по голове и заберём оружие! – я не верил тому, что говорю это вслух...

Батя вынул из сейфа ружьё, пытался вставить патрон.

– Давай, ну, – шептал я.

– Не могу... Он хоть сволочь, но отец! – сказал Андрюха.

– Мне тоже тяжело, – признался я. – Но он уже мёртвый, и если сейчас ничего не сделать, то это будет зомбарь, который умеет стрелять!

Наш спор прервал выстрел. Мы резко присели под подоконник. У меня звенело в ушах. Андрюшка первым поднял голову:

– Лёшка... Он всё... Голову себе снёс!

Я посмотрел и кашлянул от тошноты. В комнате всё было забрызгано мозгами и кровью. Тело бати дёргалось на полу. От головы у него осталась только нижняя челюсть.

Мы выбили окно и влезли в дом. Перешагивая через кровавые ошмётки, подошли к сейфу, схватили ружья, выгребли все патроны.

– Он тебя когда-нибудь брал на охоту? – спросил я.

– Не интересно мне зверей стрелять, – ответил Андрюшка. – Да, и какой там? Я с ним разговаривал два раза в жизни. И смотрел он на меня так, будто я ему никто.

– Нас с матерью бросил, тебя с твоей матерью бросил, и жил один в своём шикарном особняке. Правильно ты сказал – сволочь!

– Ладно, брат. Забудем обиды. Обижаться уже не на кого.

Батя всё ещё бился в конвульсиях на полу. Практически обезглавил себя, но всё ещё был жив, как будто для этого было достаточно и спинного мозга. Неужели их нельзя убить?

Андрюха нашёл ключи от машины и кинул их мне:

– Заводи «трактор», поехали! Посмотрим, что там в городе творится.

Мы сели в отцовский Гелендваген и направились к выезду из села. Одной рукой я держал руль, другой тыкал в магнитола, пытался поймать радио, но там было только шипение.

– Постой! Смотри! Чего это он там? – воскликнул брат, когда мы выезжали из села. Я глянул, куда он показывал, выкрутил руль и направил свет фар на недостроенный дом. Там сидел мертвец и бил себя по голове куском кирпича. Ещё один пытался себя грохнуть...

– Видишь, некоторые из них понимают, что что-то пошло не так, и пытаются с этим покончить, – объяснил я, хотя откуда мне было знать, что творится в головах у этих существ.

Я вдавил газ, и мы поехали к главной дороге. Была ночь. Мы с братом молчали. Наверное, мы думали об одном и том же: что мы увидим там – в городе?

Эпизод 2. Хирургическое отделение

В моё отделение привезли мужчину по фамилии Чесноков. Был он жёлтый как банан и худой как спичка, а живот надутый. Тут всё ясно – цирроз печени. Плохо ему было. Ознакомившись с его анализами, я попросил родственников ко мне в кабинет.

Я уже четыре года заведую отделением, а так и не привык сообщать родным плохие новости. Тяжело это. Беседовать пришлось с сестрой пациента и престарелой матерью. Спросил, какой образ жизни ведёт мой пациент, есть ли вредные привычки?

Его сестра сказала:

– Раньше он принимал наркотики, но потом остепенился. Уже больше десяти лет ничего не принимал, не пил и не курил даже. Работал в пекарне, иногда жаловался на боли в спине, а потом начал худеть.

Человек образумился, а беда его догнала... Я рассказал женщинам, что за недуг у их родственника.

– А как лечить? – спросила мать.

– Лечить уже поздно, – честно ответил я. – Последняя стадия.

Сестра пациента зажмурилась и поджала подбородок. Старушка положила руку ей на плечо и обречённо сказала:

– Ну, что поделать? Значит, судьба такая.

Меня спросили, сколько ему осталось. Тут ничего предсказать нельзя: может, пару дней, а может, месяц. Женщины не желали поскорее забрать родственника.

– Пусть лежит пока, – сказала мать, уходя. – В больнице помирать полегче.

Не мне их судить. Я мог неделю подержать мужчину в отделении. Город у нас небольшой и свободных палат всегда много.

Тот пациент лежал почти мёртвый. Смотрел в потолок, открыв рот. Единственные слова, которые я от него услышал это: «Вот я влип».

Он ни о чём не спрашивал и ни на что не жаловался. Казалось, мужчина ничего не соображает, но он всё понимал и немедленно выполнял всё, о чём просили медсёстры. Повернуться на бок, дать руку, «поработать кулаком». Дисциплинированный...

Когда я уходил домой, было у меня предчувствие, что до следующего дня он не доживёт. Но утром, когда я пришёл на работу, пациент с циррозом всё ещё был на койке в реанимации. Лежал, смотрел в потолок, не смыкая глаз.

Медсёстры не спешили уходить домой после суток, а ждали меня у кабинета, чтобы рассказать о том, что произошло в отделении ночью.

– Артур Эдуардович, ночью Чесноков умер, – сказала молодая сестра и добавила. – А потом ожил!

Другие закивали. Я понял, что речь идёт не о случае клинической смерти. Не стали бы они устраивать собрание по такому поводу.

Медсёстры рассказали, как всё было. Поздно вечером у Чеснокова случилась остановка сердца и реанимировать его не удалось. Дежурный врач констатировал смерть.

Вызвали машину, чтобы везти в морг. Тело положили в мешок, погрузили на носилки. Медсёстры поднесли их к лестнице и пошли звать санитаров, чтобы они спустили тело со второго этажа. Возвращаются, а мешок сидит!

Расстегнули молнию – пациент живой. Двигает глазами, реагирует на голоса. Мало того, он ещё сам освободился от мешка, встал и пошёл в сторону реанимации. Он ведь был мёртвый! Как минимум полчаса!

– Как он сейчас? – спросил я.

– Дышит через раз, сердце бьётся для приличия, – сказала самая старшая медсестра.

Мне стало казаться, что они нагнетают. Я поднялся в реанимационный кабинет. Спросил Чеснокова как он себя чувствует. Он смотрел на меня пустыми глазами, будто потерял дар речи.

Я распорядился измерить ему температуру. Пациент понимал, о чём его просят. Ему сказали: «Держите градусник» – он взял и сунул себе подмышку. Но от градусника не было прока.

Медсестра Виолетта принесла электронный термометр, замерила, долго смотрела на дисплей, сбросила и замерила снова.

– Сколько? – нетерпеливо спросил я.

– Двадцать градусов, – ответила она. – Комнатная температура.

Пациент как овощ, пульс слабый, но в нём как-то теплилась жизнь. Думал, к обеду дотлеет и умрёт, но ничего подобного.

У меня в отделении лежали ещё три пациента – старики после штатных операций. Я зашёл к ним узнать, как самочувствие. Все трое попросились на выписку. До них дошёл слух, что вчера тут воскрес покойник, а им не хотелось оставаться с ним под одной крышей. Мнительные деды.

Я выписал одного. Другим ещё надо было колоть антибиотики.

Уходя из больницы, я спросил медсестру, что с Чесноковым. Она сказала: «Всё то же самое».

После работы я, сам не зная почему, поехал в морг к своему знакомому патологоанатому Сашке Хромову. Вдруг захотелось с ним поговорить.

Сказал:

– Представляешь, какая штука. Вчера хотели тебе прислать клиента, уже упаковали в мешок, а он взял и ожил!

– Прямо ожил? – Хромов, как будто не удивился.

– Не поверишь... Медсёстры сказали, что вылез из мешка и сам пошёл в реанимацию.

– Вот уже до чего дошло, – работник морга показал мне коробку на столе.

Там лежали пластиковые хомуты-стяжки.

– И что это? – спросил я.

– Месяц назад началось. Мои «пациенты» начали активничать. И после вскрытия, и после балъзамирования, то пальцы шевелятся, то веки дёрнутся. Я из одного весь органокомплекс достал, а у него колени – раз – и согнулись. Как это? Не знаю! Они ведь не живые – мёртвые! В жизни такого не видел. Когда это стало происходить каждую смену, я написал бумагу в министерство. И знаешь, что? Труп одного бездомного забрали на изучение. А мне прислали стяжки, чтобы покойников усмирять – связывать их.

Хромов не шутил. У него напрочь отсутствовало чувство юмора.

Мертвецы оживают. Кто-то уже в курсе, а я узнаю об этом только сейчас? Дела!

Я приехал домой. Хотел оставить работу за порогом, подумать о рутинных занятиях и не искать в новостях подробности о подобных случаях.

Мне позвонили из отделения в одиннадцать вечера. Две медсестры Кристина и Виолетта по очереди в одну трубку говорили, что у них проблемы с пациентом, с третьей медсестрой и дежурным врачом. Всё отделение осталось на двух девушках.

Я даже не стал спрашивать, что случилось, по их голосам было ясно, что дела плохи.

Медсёстры ждали меня у входа в полутьме. Я спросил, где дежурный врач. Девушки сказали, что он, похоже, сбежал и отключил телефон.

– Да что тут творится? – я не ждал их отчётов, хотел всё увидеть сам, но медсёстры меня остановили.

– Артур Эдуардович, постойте! Выслушайте! – у Виолетты дрожали руки. – Чесноков напал на Ольгу. Она собиралась ему поставить капельницу. А она знаете... не церемонится –

взяла его руку и стала втыкать иглу. Больному это не понравилось. Он ей ногтями по лицу, расцарапал до крови, потом встал и ушёл. Мы хотели помочь Ольге, а она как взбесилась. Стала рычать и кидаться на нас. Мы закрыли её в реанимационном кабинете.

– Сами не пострадали? – я неосознанно оглядел их руки, нет ли царапин, укусов.

Медсёстры помотали головами.

– Где Чесноков?

– Ходит где-то по второму этажу.

– А другие пациенты?

– Перепугались и закрылись в палате!

Больше я не позволил себя удерживать и пошёл на второй этаж. Страшно было. Хотелось вооружиться хоть чем-нибудь. Вдруг и на меня бросится оживший мертвец.

Наверху горел тусклый дежурный свет. В конце коридора ярко светилося окно реанимации. Там была какая-то суета, что-то падало и разбивалось.

Я постучался в палату, где были мои старики. Они открыли. Я проводил их до лестницы и сказал быть внизу с медсёстрами.

Чеснокова нигде не было видно. Я взял стойку для капельницы, выставил её перед собой, как копьё, сглотнул и медленно, трусливо побрёл к реанимационному кабинету.

Ольга. Женщина солидная, старше меня на пятнадцать лет. Полная, с кучерявой причёской, как у моей мамы. Она всегда держалась строго. Что с ней случилось?

Она как дикое животное носилась по реанимации. Сдвинула койки, опрокинула приборы. Она была вся в крови. Женщина билась лбом в стены, а когда увидела меня за окном, то взревела и с разбегу бросилась на стекло. Она рычала, скалила зубы, кровавая пена сочилась из рта.

Я хотел пойти назад, но на моём пути откуда-то появился Чесноков. Выглядел он не агрессивно. Худощавый мужик с раздутым пузом бесцельно бродил по коридору, шлёпая босыми ногами.

Чтобы не приближаться к нему, я спустился по другой лестнице. Два старика и две медсестры были рады видеть меня невредимым.

– Идите все домой, – не знаю, почему я это сказал, может, боялся за них, а может, просто не хотел брать лишнюю ответственность. Я решил, что сам как-нибудь разберусь.

Медсёстры возмутились моим распоряжением и отказались уходить. Один из стариков посмотрел на свои шлёпки, а потом в сторону лестницы. У него в палате остались вещи. Куда он без них пойдёт?

Но вот его сосед был так напуган происходящим, что прямо в тапках и в трениках пошёл на выход. Я провожал его взглядом, стоя в дверях.

Снаружи за шлагбаумом слонялись какие-то люди. Давно я не видел ночных компаний. Обычно, у нас в городе по ночам безлюдно, а рядом с больницей совсем никто не ходит. Не понравилось мне это!

Я подумал, что зря отпустил пациента и пустился за ним вдогонку. Кричу: «Постойте!». А он так и почесал от меня, прямо к подозрительной толпе.

Как я думал, старика схватили.

– Ребята, да вы чего?.. А-а-а! – заорал мой пациент.

Его таскали, кусали и царапали, пвалили на землю и давай рвать, как стая голодных собак. Старик не долго сопротивлялся...

Я вбежал обратно в отделение и закрыл двери на замок.

– Это живые мертвецы-каннибалы, – в жизни бы не подумал, что произнесу такую глупую фразу. – Как в фильмах!.. Кристина, Виолетта и вы... Савелий...

– Просто Савелием называйте! – попросил старик.

– Ладно, – я старался сохранить ровный тон голоса, хотя внутри у меня всё дрожало. – Не ходите туда!

Медсёстры пытались кому-то звонить, но что-то у них не получалось. Сеть перегружена или что похуже?

У стойки регистрации раздался звонок стационарного телефона.

Я подбежал, взял трубку:

– Хирургическое отделение, слушаю.

– Я не могу дозвониться до скорой! – прокричал кто-то в трубке. – У меня нет двух пальцев! Слышите? Мне откусили пальцы! Я шёл по улице, на меня напал какой-то сумасшедший и отгрыз мне пальцы! Средний и указательный просто откусил. Приезжайте, мне нужна помощь...

Под конец фразы голос звонившего исказился и стал похож на свирепое рычание, а после из трубки доносились только звуки похожие на звериные возгласы.

– Вы в порядке? – спросил я.

– Хав... хав... хав... – звонивший щёлкал челюстью, будто собирался укусить через трубку.

Я нажал на рычаг. Рядом стояли медсёстры и мой пациент. Они всё слышали и не стали спорить, когда я сказал, что лучше нам оставаться в отделении.

Но у нас была проблема: по второму этажу свободно бродил мертвец. Нужно было что-то с ним сделать. Хотя бы запереть. Я придумал план: мы все возьмём стойки для капельниц и загоним его в палату, а потом закроем на ключ.

Из нас получилась хорошая команда. Обстоятельства нас сплотили.

Мы застали покойника, стоящим у окна. Он смотрел на улицу. На что он пялился? Может, видел своих «собратьев»?

Мы приблизились, Чесноков обернулся и посмотрел на нас без всякого интереса. Не похоже, что он собирался напасть.

Трое за моей спиной держали стойки, готовясь атаковать. Я сказал им: «Подождите!».

Потом обратился к мертвецу:

– Чесноков, идите за мной!

Как я и думал: он послушался! Медсёстры и старик расступились. Я бы мог завести его в палату и закрыть там, но мне в голову пришла другая идея – изучить!

Я привёл его в процедурный кабинет, велел лечь на стол, и он это сделал! Мертвец был послушный, в отличие от взбесившейся Ольги, которая разносила реанимационную.

Чесноков позволил зафиксировать себя ремнями. Я с облегчением выдохнул. Мой замысел удался. Теперь он никому не мог навредить.

Ко мне вошли медсёстры и пациент.

– Будете мне ассистировать? – спросил я, мне хотелось знать, где у мертвеца уязвимые места.

Прежде всего я взял электрическую пилу и сделал пропил в височной доле справа. Покойнику это не понравилось, он попытался поднять голову, но помешал ремень на шее.

Я сделал ещё один пропил с другой стороны. Ничего не поменялось. Мертвец продолжал двигаться.

Виолетта побрила мертвецу голову машинкой. После я ещё сильнее повредил ему мозг, сделав пропил от лба до темени. Всё равно живой!

И все, включая меня, изумились. Но почему вдруг мы решили, что надо повредить голову, чтобы убить того, кто уже мёртв? Фильмы нам ввали.

Я попросил подать мне рамочную пилу и стал пилить шею. Голова полностью отделилась от тела, но глаза и нижняя челюсть продолжала двигаться, хоть и значительно медленнее.

Тело на столе шевелилось. Оно теперь существовало автономно. Я разрезал ему живот электроножом, вскрыл грудную клетку рёберными ножницами. Внутренние органы слабо, но сокращались. И сердце, и лёгкие...

– Как это? – удивилась Кристина.

Я и сам был удивлён не меньше, но попытался объяснить это, вспомнив одну историю из научного журнала:

– Учёным была известна одна редкая лягушка. Слишком редкая, чтобы изучать её путём вскрытия. Но когда одна из них умерла, они её вскрыли и надо же... у неё не было лёгких, гортани и трахеи. Получается, что значение лёгких сильно преувеличено, если довольно крупное животное может обходиться без них. Мы думаем, что много знаем о том, как устроен организм человека, но теперь видим, что это не так. Может, какая-нибудь бактерия или вирус так перестраивает тело, что оно способно работать на остатках нервной системы когда всё, казалось бы, мертво.

Я мог ещё долго строить догадки, но нас отвлёк звон стекла в коридоре. Все сразу догадались, что это взбесившееся медсестра разбила окно реанимационного кабинета.

Девушки и старик смотрели на меня. Похоже, они негласно выбрали меня лидером и возложили ответственность за любое решение.

Я вышел в коридор. Медсестра уже выбралась. Её руки от локтей до кончиков пальцев были в крови. В лице поблёскивали осколки стекла. Увидев меня, Ольга зарычала, дёрнулась и побежала на таран.

Ища, чем защититься, я сорвал со стены огнетушитель, но в последнюю секунду трухнул принять бой и ворвался обратно в процедурный кабинет.

– Держите! Держите дверь! – прокричал я, а сам впился глазами в наклейку на огнетушителе.

– Что вы делаете?! – кричала Виолетта.

И она, и Кристина, и Савелий навалились на дверь. Едва справлялись втроём.

– Читаю инструкцию! – ответил я, потом, как было написано, сорвал пломбу, выдернул чеку и как только израненное лицо бывшей медсестры показалось в щели, я выстрелил в неё густым потоком ледяной пены.

Её вопль стал бульканьем. Я сбил бешеную с ног ударом в грудь. Прости Ольга...

От нескольких ударов огнетушителем в лоб, череп смялся. Её голова стала похожа на сдувшийся мяч, окровавленные руки продолжали хватать воздух, но теперь она была не так опасна.

Я втащил женщину в процедурную.

Старик и медсёстры помогли мне распилить оба тела на куски, но и тогда они продолжали слабо подёргиваться. Мы свалили части тел в один мешок.

Теперь в отделении остались только мы четверо, а снаружи была беспокойная ночь.

Кто-то кричал, были сигнализации. Мы знали: началось что-то страшное, а нам придётся как-то выживать.

Эпизод 3. Дорогой дневник

О себе

Меня зовут Агата. Мне тринадцать лет. Я увлекаюсь рисованием и учусь этому уже второй год. Недавно в школе искусств я записалась ещё и на каллиграфию. Буду стараться выводить каждую букву и сделаю свой дневник красивым!

Я мечтаю в будущем писать детские книги и рисовать к ним картинки. Так делала писательница Туве Янссон. Она сама рисовала муми-троллей. Я тоже придумаю каких-нибудь интересных зверьков.

Ещё могу рассказать, что люблю роллы и пиццу. У меня есть две подруги – Юля и Соня. У меня нет сестёр и братьев. Это хорошо, потому что я не хочу делить родителей с другим ребёнком.

21.04.15.

Дорогой дневник, я хотела записывать что-нибудь интересное, но у меня в жизни ничего не происходит. Много уроков, много заданий и больше ничего. Вчера познакомилась с парнем в интернете. Он старше меня на три года. Я сказала, что мне пятнадцать и он поверил. Значит, я выгляжу взрослее своих лет. Я не буду с ним встречаться. Он живёт не в моём городе, и я не хочу сейчас никаких отношений.

02.05.15.

Дорогой дневник, из-за большой загруженности в школе и на дополнительных занятиях я сильно нервничаю. Когда прихожу домой, долго не могу успокоиться. Могу резко ответить маме или папе, а потом жалею, что могла их обидеть. Я опять начала царапать ноги иголкой, хотя обещала больше так не делать. От этого на ногах остаются некрасивые шрамы.

<XXX>

Я не знаю какое сегодня число. В нашем районе уже давно нет электричества. Возможно, так сейчас везде. Мой телефон разрядился, но я, зачем-то, каждый день беру его в руки и давлю на кнопку, как будто он передумает и включится. Сила привычки...

Это всё ещё я – Агата, только теперь мне двадцать, а не тринадцать. Много лет назад я сделала тут несколько записей и забросила дневник. Я хотела быть как героиня сериала, которая лежит на кровати и вдохновенно описывает пережитое, начиная каждую запись словами «Дорогой дневник». Но это оказалось скучным занятием, к тому же ведение дневника показало мне насколько однообразно и неинтересно я жила.

Книжка простояла на полке все эти годы и пригодилась только сейчас, когда весь мир накрылся жопой.

Теперь я радуюсь возможности записать всё, что происходит.

Случился конец света. Если не всматриваться в то, что творится за окном, то можно не заметить изменений. По улицам ходит множество людей. Но они все мёртвые. Когда я наблюдаю за ними с балкона, мне кажется, что не все это поняли.

Перед моим домом автомобильная дорога. Я видела дедушку, у которого кожа на груди содрана до рёбер. Он не стал переходить дорогу, где попало, а подошёл к «зебре» и долго смотрел на светофор, ожидая зелёного света. Но светофор не работает, да и машины тут давно не ездят.

По тротуару плёлся мёртвый подросток, сильно хромал на вывихнутой ноге. Он не только не избавился от своего тяжёлого рюкзака, но и старался не потерять – лямка сползала, а он поправлял. Наверное, думал, что идёт в школу.

Я не выхожу из дома. Сажу в квартире с мамой и папой. Ожившие мертвецы опасны. Они нападают на живых. Надеюсь, нас кто-нибудь спасёт. Хотя иногда мне кажется, что все люди в мире уже мертвы, потому что не вижу подтверждений обратному.

<XXX>

Мои родители мертвы. Они такие же ходячие трупы, как и те снаружи! Почему я не заметила этого сразу? Я не могу даже примерно сказать, в какой момент это произошло. Не помню, когда мы разговаривали.

В последнее время мама и папа были молчаливы. Я часто заставляла маму на кухне, она смотрела в окно, не поворачиваясь ко мне. Папа сидел в гостиной и смотрел в тёмный экран телевизора. Мне казалось, что у него задумчивый вид, словно он скучал по тому времени, когда мог что-то смотреть.

С наступлением темноты они уходили в свою спальню. Я не пыталась с ними общаться. О чём разговаривать, когда всё так плохо?

Я бы и дальше могла не замечать, что родители мертвы, но сегодня они устроили драку. Они случайно столкнулись на кухне и озверели. Опрокинули стол, кувшин разлетелся на осколки, а мама и папа катались по битому стеклу, кусались, рычали и били друг друга вялыми руками.

Увидев это, я с ужасом поняла: да они же трупы! У мамы нет уха и разорвана щека. Эти страшные увечья скрывались под густыми волосами. У папы шея в незаживающих прокусах. Это я тоже заметила только сегодня. Когда они успели такими стать? Что с ними случилось?

Их борьба продолжалась недолго. Родители внезапно успокоились и, потеряв интерес друг к другу, отползли в разные стороны.

Я закрылась в своей комнате, пока они меня не заметили. Не представляю, что теперь делать.

<XXX>

Я тоже мертва. И уже давно. Кажется, я утратила способность нормально соображать, если не догадалась сразу. Сегодня я долго стояла перед зеркалом, пыталась понять, что не так с моим лицом. Много времени понадобилось, чтобы увидеть: нижняя губа рассечена надвое, а лоб разбит до черепа.

Не помню, чтобы на меня напали. Скорее я получила травмы, потому что падала и ударялась. Я не чувствую боли, как и сильной скорби из-за того, что случилось. Я лишь понимаю, что могла бы чувствовать. Наверное, к лучшему, что эмоции притуплены, иначе бы мной овладела паника.

Я мертвая среди других мертвецов. Это моё новое состояние, и по-другому уже не будет. Я больше не умею разговаривать, а могу только мычать или хрипеть. Я почти не дышу.

Но я пока не потеряла способность писать. Наверное, потому что занималась каллиграфией. Нужный участок мозга, отвечающий за письмо, хорошо развит и пока ещё справляется со своей задачей. Правда, и это мне даётся с трудом. На одну страницу уходит целый день.

Опять же: я долго не замечала, как медленно и вымученно пишу, напрягаю память, чтобы вспомнить нужное слово. Я начинаю писать утром, а заканчиваю, когда садится солнце. Какая же я медленная.

<XXX>

Ясность мысли возвращается только когда я сажусь за дневник. Если я начинаю писать, мозги становятся на место. В остальное время я тупое зомби! Это похоже на состояние сильного опьянения. Случалось, что с рассветом, я забывала подняться с кровати и лежала в постели до захода солнца. Дни проходят, как на перемотке. Я то сижу в комнате, то стою на балконе, то оказываюсь в кухне. Не помню, как перехожу из одной комнаты в другую. Смотрю в окно – там светло, а потом резко ночь! Проблески сознания случаются редко.

Мной управляют рефлексы. Я подхожу к раковине, поднимаю рычаг и потираю ладони под краном. Я знаю, что воды нет, но всё равно делаю это. Потом вытираю руки полотенцем, зная, что это бессмысленно.

Я продолжаю брать телефон, часами вожу пальцем по чёрному экрану, пытаюсь включить его. Но ведь он не работает.

Меня удивляла глупость других ходячих трупов, но я такая же как они! Я заперта в мёртвом теле, которое действует само по себе. И только когда в пальцах оказывается ручка, я получаю этот дар – задумываться, размышлять, оценивать. Моя человеческая часть ещё не до конца мертва!

<XXX>

Мне жаль, что я стала ходячим трупом. Моя жизнь не состоялась. Я не закончила университет, не дорисовала свой комикс, не съехала от родителей и не завела собаку. И если бы я просто умерла, то не было бы никаких сожалений. Выходит, что я до сих пор существую, чтобы грустить о том, чего не случилось. И даже эта грусть ненастоящая, а какая-то фантомная. Не чувство, а лишь воспоминание о чувстве. Я не могу испытать горе в полной мере и не могу заплакать. Жаль!

<XXX>

Мама и папа, как призраки. Они сидят в гостиной и смотрят друг на друга. Наверное, мои родители тоже о чём-то думают, может быть, пытаются понять, кто они есть.

Я вспомнила кое-что важное. До того, как по улицам начали разгуливать мертвецы, мне нездоровилось. Симптомы были странные. У меня болела спина, иногда непроизвольно вздрагивала рука или нога, словно не я, а что-то другое в моём теле велело конечностям пошевелиться. Я чувствовала щекотку под кожей в области шейных позвонков. У меня была склонность к ковырянию кожи. Я расчесала шею до крови и нащупала упругий волосок, он реагировал на мои прикосновения, двигался как живой.

В больнице из меня вытянули что-то жёлтое, тонкое и длинное, как нить. Врач сказал, что никогда такого не видел.

Мне становилось хуже, я болела и не вставала с кровати. Мама так волновалась! Никто не знал, что со мной происходит. И когда казалось, что не может стать хуже, на улицах появились мертвецы.

Всё изменилось в одну ночь. Я и родители оставались в квартире. Мы были в безопасности. Дальше не помню, но догадываюсь: скорее всего, я умерла от своей загадочной болезни и восстала из мёртвых.

Я сделала маму и папу ходячими трупами? Этого нет в воспоминаниях. Просто понимаю, что больше никто не мог на них напасть в закрытой квартире. Простите...

<XXX>

Умерли не все. Есть выжившие. Я надеялась узнать это до того, как поняла, что мертва, а сейчас это ничем хорошим не светит.

Я сегодня видела двоих выживших, и это было неприятно.

За окнами раздался давно забытый звук – рёв двигателя. Мёртвые обитатели нашей улицы тотчас заволновались. Отовсюду послышались шаги, хрипы и рычание.

Мама и папа тоже очнулись, затоптались на месте, а я поплелась на балкон смотреть, что происходит. Двое парней обчищали аптеку. Один таскал мешки и коробки в багажник, а другой отбивался от мертвецов. У него была кувалда и он искусно ей управлялся – валил ходячие трупы на землю, разбивал головы всмятку одним ударом или ломал позвоночники. После этого мертвецы ещё дёргались, но больше не могли встать.

Наблюдая за этим, я поняла, что могу ещё что-то чувствовать. Мне было преме́рзко!

Парень с кувалдой явно получал удовольствие от мясорубки, которую устроил. Будь я там, под его молотом могла оказаться и моя голова. Мне стало противно от этой мысли.

Его напарник крикнул: «Всё хватит! Поехали!». А тот с кувалдой увидел меня, указал пальцем и сказал: «Смотри, какая красotka за нами наблюдает! Я ей нравлюсь!» Второй назвал его извращенцем.

Они оба показались мне чудовищно уродливыми, хотя недавно я видела соседа, у которого глазные яблоки болтались на щеках...

Урод с кувалдой крикнул: «Позвони мне!» и потряс рукой над ухом, оттопырив мизинец и большой палец... Я бы отгрызла эту руку и плюнула бы кровью в его бугристую рожу!

Я чувствую настоящую злость! И что-то мне подсказывает: это ещё не конец.

<XXX>

Мертвецы с разбитыми черепами не умерли окончательно. Некоторые из них уползли, несмотря на то, что остались без голов. Те, которые с перебитыми позвоночниками, так и лежат у аптеки, дёргаются. Не могут ни встать, ни умереть. Значит, если со мной такое случится, я буду просто лежать. Хуже не придумаешь!

Этот дневник – единственное, что у меня есть. Возможно, благодаря ему я стала умнее! Хотя наоборот ожидала, что со временем мой мозг окончательно деградирует. Но я всё больше контролирую свои действия: уже не пытаюсь мыть руки под пустым краном, сама решаю, куда мне идти. Я стала реже забывать слова и мне требуется меньше времени, чтобы сделать запись.

Упражняясь в письме, я понемногу набираюсь разума. Жаль, что родители всё такие же глупые как брёвна. Папа смотрит в пустой телевизор, мама стоит у окна в кухне.

<XXX>

Если я ничего не делаю, то впадаю в состояние «полного отсутствия». Это заменяет сон и позволяет отдохнуть от мыслей. Вывести из этого состояния могут внешние изменения: рассвет или резкий шум.

Сегодня меня заставил очнуться грохот в подъезде. Там кто-то дрался, хохотал и матерился. Мои родители тоже пришли на шум, мы стояли в прихожей и чего-то ждали. Грохот нарастал. Я думала, что нашу дверь сломают, но всё само собой улеглось, стало тихо.

Потом я услышала свист под балконом. Долго не могла на него среагировать, потому что израсходовала возможности поддерживать «включённое состояние». Я стояла в прострации, но живчик был так настойчив... Он кричал: «Красотка! Выходи!».

Я так и знала, что это он – мерзкий парень с кувалдой. Он вернулся!

Когда я вышла на балкон, этот урод так и засиял. Крикнул мне: «Знал, что ты выйдешь на меня посмотреть... Извини, красотка, пытался к тебе прорваться, размолотил кучу твоих собратьев, но так и не понял, где твоя квартира. Да и двери у вас железные – такие не выломаешь! Ну, ничего! Я обязательно до тебя доберусь!».

К нему подступали мертвецы, я надеялась, что кто-нибудь из них сотрёт улыбку с этой самодовольной рожи, но он играючи покидал их на землю и разбил всем головы.

Я оскалила зубы и гневно зарычала. Только так я могу выразить свою ненависть.

Мерзавец засучил рукава и показал свои руки. Они все были покрыты зажившими укусами и рубцами!

Он дразнил меня, говорил: «Хочешь укусить? Я встречал много красавиц вроде тебя и все они кусались. Я не из тех, кого можно сделать тупорылым зомби!».

Этот подонок наговорил ещё много мерзостей. Называл меня принцессой, заточённой в башне, говорил: «Мёртвая-секси-принцесса, а я твой принц!» и несколько раз повторил, что он – мой последний шанс на отношения. Сволочь!

Моя квартира на третьем этаже. Надеюсь, он сюда не долезет. Как я его ненавижу! Хочу убивать! Хочу вырвать ему глаза, отгрызть уши и разорвать лицо!

<XXX>

Почему мне так страшно? Это просто глупо! Я же мёртвая! Я не должна боят

<XXX>

Он влез к нам в квартиру, когда я писала в дневник. Я этого не заметила, потому что могу быть сосредоточена только на чём-то одном. Письмо полностью меня поглощает. Случилось то, чего я так боялась: этот мерзавец спустился с крыши на верёвке и проник на балкон.

Он вошёл в мою комнату, схватил меня за волосы и выволок в гостиную. Там лежали мои бедные мама и папа с разбитыми головами. Этот ублюдок взял топор и сказал, что нас можно полностью обезвредить, только разделив на куски. И он рубил их у меня на глазах. Я бросалась, рычала как бешеная, а он легко отпихивал меня обухом топора и смеялся: «Подожди, красotka, с тобой мы позже разберёмся!».

Я почувствовала себя такой беспомощной. Я ничего не могла сделать. Когда мерзавец бросил меня на пол, я больше не пыталась подняться. Я не рычала и не хрипела. Просто смотрела в белый потолок.

Надо мной повисла бугристая физиономия. Он бил меня по щекам и говорил: «Ты отключилась? Эй! Так не интересно! Очнись! Даже не укусишь ни разу? Давай! Укуси!».

Он засунул два пальца мне в рот. Я не напрягла челюсть. Мерзкий парень сказал: «Ладно, как хочешь!» и приблизился ко мне вплотную. И тогда, вложив все силы в один рывок, я вгрызлась ему в горло. Он пытался оторваться от меня, но было поздно! Я крепко вцепилась в его плоть и вырвала кадык.

Мерзавец хватался за шею, хотел заткнуть поток крови. Я видела, как он напуган и наслаждалась его муками! А когда он испустил дух, я начала рвать его мёртвое тело ногтями и зубами. Это был не голод, а злоба. Ненавижу!

<XXX>

При жизни, я не была так агрессивна и опасна. Меня отвращал вид крови, но теперь нет. Я совсем не жалею, что загрызла того подонка! У меня вовсе пропало сочувствие к живым людям. Наверное, моя эмпатия умерла вместе с другими светлыми чувствами.

Но мне бы не хотелось убить кого-то ещё. Я до сих пор считаю это неправильным.

Лучше мне оставаться в своей комнате и писать в дневник, пока ещё есть чистые стра

Эпизод 4. «Подружки» и «Стальная братва»

Путь к санаторию был чем-то сказочным. Не дорога, а загляденье!

По обе стороны высились могучие деревья, их густые кроны соприкасались высоко над трассой, образуя зелёную арку. И так почти десять километров. Солнце старалось в полную силу, а мы ехали в тени, прикрытые листвой. Даже в такой яркий день в зелёной арке было сумеречно.

Я, как всегда, был за рулём. Рядом со мной сидела Даша, закинув ноги на приборную панель. Много раз просил её так не делать, говорил, что это опасно. Ей, похоже, было всё равно.

Я услышал, как позади храпнула Даяна и машинально потянулся к выключателю. Даша поймала мою руку.

– Мне нужен свет, – сказала она.

Я собирался спросить: «Для чего?», но потом увидел, что она погрузилась в страницы розово-голубой книжицы. Уже не в первый раз я видел её у Даши.

«Дневник мечты» – потёртый скетчбук с измятыми уголками.

В мускулистых руках Даши эта «подчёркнуто девчачья» вещица, смотрелась забавно. Эта девушка отдавала предпочтение одежде в тёмных тонах, носила ботинки, похожие на солдатские берцы, и даже светлые длинные волосы, не мешали ей выглядеть воинственно.

Не дождавшись моего вопроса откуда у неё этот скетчбук, Даша сама начала рассказывать:

– Помнишь, мы зачищали «чумной район» в Сухановске?

– Мы там, вроде, много районов зачищали, – ответил я, хотя уже и не помнил, что это за город такой. Сколько у нас их было...

– Я зашла в одну квартиру, а там два трупа, разрубленные на части и ещё один разорванный на мелкие кусочки, – Даша всегда смаковала такие подробности. – Я думала, что кто-то поработал до нас, а потом открыла одну комнату и вижу: ко мне спиной, за столом сидит мертвячка... девушка, и дёргает локтем, будто что-то пишет. Это был её дневник. Прижизненный и посмертный. Представляешь? Она вела его, даже когда стала мертвячкой.

– Быть такого не может, – сказал я.

– Не веришь? Эксперименты же проводили! Некоторые из них могут немножко думать. Не говорят, но могут написать несколько слов или нарисовать что-нибудь, – Даша развернула передо мной дневник.

– Ну, и что она там писала? – я не мог позволить себе отвести взгляд от дороги.

– Она понимала, что с ней произошло, – Даша тоскливо вздохнула. – Мне теперь жаль, что я так хладнокровно её порубила. Испытала на ней заточку мачете. А у неё было имя. Её звали Агата.

Я подумал, что должен утешить подругу:

– Стань я одним из них, я бы только и ждал, когда меня зарубят и сожгут. Чего хорошего: ходить гнилым трупом и пытаться кого-нибудь сожрать? Не расстраивайся так сильно!

– Я сильно расстроюсь, если в ближайший месяц не найду стоматолога, который подтянет мне брекеты, – Даша бросила яркую книжицу в бардачок.

Мы приехали. Впереди показались незапертые ворота, над которыми висела надпись: «Айлант». Этот санаторий был заброшен с тех пор, как вспыхнул Тред. На ограждённой территории никого не осталось в живых. Одни обратились, другие были убиты и съедены. Мы называли такие места «загонами с мертвецами».

Много подобных территорий мы зачистили: больницы, заводы, иногда городские кварталы. Так мы зарабатываем себе на жизнь.

Наша команда сформировалась сама по себе. Я, Даша и Даяна случайно оказались рядом в момент катастрофы... не люблю слово «зомбиапокалипсис» – это глупо! Мы все потеряли близких и друзей и выживали вместе в первые адские месяцы. Когда стало попроще, и новое правительство начало платить за расчистку территорий, мы официально зарегистрировали нашу команду, став «частными ликвидаторами».

Таких как мы много, но работы для нас хватает. Безопасные зоны не так велики, большая часть земель до сих пор заполнена ожившими трупами.

Я остановил фургон у ворот. Даяна широко зевнула и потянулась.

– Корпуса большие, наверное, там полно мертвяков, долго будем возиться, – сказала Даша.

– Поэтому и платят хорошо, – подметил я.

Мне уже представилось шевеление горы изрубленных тел. Плеск и запах бензина. Вой пламени... В нём трещит плоть, скрежещут зубы, особо шустрые руки и ноги пытаются уползти из костра, а мы подхватываем их вилами и бросаем обратно. Сколько раз я всё это видел...

Но до того нам предстояла опасная работа!

Даяна спрятала волосы под шапку, надела свою скрипучую кожаную куртку – такую никому не прокусить. Даша собрала локоны в хвост и нацепила налокотники.

Пока они выбирали оружие, я надел лёгкий рюкзак и повесил на оба плеча спортивные сумки – в них было всё необходимое.

Даяна вооружилась пожарным топором на длинном черенке – хорошая вещь, чтобы толкать и рубить. Даша прицепила к спине алюминиевую битку, а в правую руку взяла свой любимый тесак с длинным и тяжёлым лезвием.

Они шли рядом нога в ногу, готовые к драке в любую секунду. Я осторожно шагал позади.

Санаторий был просторный. Три корпуса, парк, аллеи, скамейки. Всюду следы разрушений: декоративные фигуры опрокинуты, молодые деревья сломаны, клумбы измяты. На пути к фонтану под палящим солнцем валялся труп, истлевший до костей. Когда-то по этим местам прокатился хаос, но теперь было тихо. Мы прошли метров двести от входа, но так никого и не встретили.

– Дэн, бинокль, – Даяна не оборачиваясь протянула руку.

Ей не пришлось долго ждать. Я хорошо знал, где у меня что лежит: быстро расстегнул карман сумки и вложил бинокль ей в ладонь.

Даяна с минуту оглядывалась по сторонам.

– Да тут как будто никого! – сказала она. – Они говорили: уровень опасности «красный»?

– Мы ещё не были в корпусах, – напомнила Даша.

Я первым услышал позади знакомое «том-том-том»... При беге они ступают только на мыски...

– Шипастые! Сзади! – заорал я.

Их было четверо. Они шли на таран, неслись на нас как бешеные быки.

Особый вид мертвяков. Из них торчат сломанные кости, подобно шипам. Они с разбегу врезаются в людей, чтобы ранить или убить.

– Найдём укрытие! – крикнула Даша.

Девушки были не готовы дать отпор сразу четверым. До ближайшего корпуса было не больше сотни метров. К нему вела каменная лестница вверх. Мы знали, что шипастые плохо бегают по ступенькам.

Я ношу сумки на плечах, чтобы быстро скинуть груз, если придётся убегать. Но в этот раз я рискнул и не бросил снаряжение.

Мы подбежали к дверям. Они были чем-то подпёрты с противоположной стороны. Иногда, это хороший знак. Мы навалились втроем. По ту сторону рухнула баррикада.

Даяна заглянула внутрь:

– Пусто! Заходим!

Мы вбежали и быстро скрепили ручки тугой проволокой. Шипастые за нами не поспели. Лишь полминуты спустя послышались звуки ударов – они врезались, кто в двери, кто в стены.

Мы стояли в широком холле. Здесь был погром. В центре валялась огромная хрустальная люстра... Её-то как умудрились сбить с потолка? На месте осталась только стойка регистрации, вся остальная мебель была смещена в сторону дверей – для баррикады, которую мы сломали.

По следам и останкам вокруг было понятно, что здесь кого-то убили и кого-то сожрали. У дверей лифта лежали несколько черных мешков, в них, судя по всему, были расчленённые мертвяки. Это напоминало работу частных ликвидаторов! Вряд ли кто-то занимался «упаковкой» в первые дни катастрофы.

Даяна подошла к мешкам и тыкнула один топором:

– Дёргаются ещё! Здесь до нас работали?

Даша указала на лестницу:

– Там кто-то есть! Слышите?

Мы все затихли. И правда, кто-то галдел наверху. Я сбросил сумки и сказал, что проверю. Переговорщиком в нашей команде был я.

– Если что, мы поднимемся через минуту, – пообещала Даяна.

Девушки встали у лестницы. Я подумал, что могу нарваться на каких-нибудь опасных психов, которые пристрелят меня, не дав сказать и слова, и оглянулся на девочек, будто в последний раз. Они забавно смотрелись рядом: у них большая разница в размерах – Даша мощная и высокая, а Даяна худенькая и маленькая... хотя я и сам выше её лишь на полголовы.

Я поднялся на второй этаж и начал разбирать слова, тех, кто был.

– ...откуда они тогда знали, что это случится? – бормотал кто-то.

– Кто «они»? – спрашивал другой голос.

– Американцы! Они же в Пентагоне давно придумали план, как действовать, если нападут мертвецы. Ещё никакого Треда в помине не было, а они уже всё знали про крах цивилизации!

– Тимох, успокойся! – потребовал третий голос.

Болтливый не унимался:

– Выберемся, я вам покажу статью на Википедии про «зомби-апокалипсис»! Википедия ещё работает?.. Даже этот... известный... Илон Маск продавал огнемёты и сказал, типа... вы будете рады, что купили огнемёт, когда начнётся зомби-апокалипсис. Это тоже конспирология по-вашему? Они знали!

– Да замолкни хоть на минуту! К нам идут!

Прежде чем выглянуть из-за угла, я крикнул:

– Ребята, я с миром! Мы ликвидаторы.

Мне ответили, что бояться нечего. Я вышел в коридор и увидел трёх парней. Два лба, похожие друг на друга, как братья, и невысокий моложавый парнишка с наглыми глазками. Сразу стало ясно, что это он много болтает.

За мной поднялись Даша и Даяна.

– Ого! Здрасьте, девушки, – воскликнул парнишка с наглыми глазками. – Значит, нас уже «похоронили» и прислали замену? Подумаешь, застряли на недельку!

– Нам не говорили, что сюда уже отправляли ликвидаторов, – отметил я.

– Ну, я же говорю: нас списали и отдали вам нашу работу, – бодро говорил парнишка, словно это какой-нибудь пустяк. – Я Тимоха, а это Лёха и Андрюха – они братья. Мы «Стальная братва», потому что все не раз покусанные. У нас иммунитет, нам нипочём зараза.

Один из братьев скривился от стыда, а второй сказал:

– Владу это не помогло.

– Надоели мне ваши пораженческие настроения, – паясничал Тимоха. – Мы «Стальная братва», ясно? А вы как называетесь?

– «Подружки», – ответила Даяна.

– Ты тоже «подружка»? – Тимоха мне подмигнул и по-дебильному хихикнул.

– Я из команды с названием «Подружки», – холодно ответил я. – Проблемы?

– Никаких, мужик, – говорливый парень спрятал улыбку.

– Я Денис, это Даша и Даяна, – представил я всех.

– Все на «д», – заметил тот, которого звали Андрюхой, он казался серьёзным парнем.

– Ха! И правда! – сказал я и сразу вспомнил, что это не открытие.

Ещё в первую неделю нашего знакомства, мы с девочками уже обращали внимание на это совпадение. Давно это было... Сколько мы всего пережили.

– Мы тут застряли, – пояснил второй брат, по имени Лёха. – Местные мертвяки организовались. У них умная схема: они всех выпускают на территорию, а обратно не выпускают. Не мы за ними охотимся, а они за нами. Нас было пятеро. Влада загрызли, и один шипастый ранил нашего Марка. Он один в соседнем корпусе. Поддерживали связь пока рации не сели. Мы не можем к нему пробиться.

– Вшестером прорвёмся, – пообещала Даша. – Давайте спасать раненого!

Ребята обрадовались и похватили своё оружие. У двух братьев были штыковые лопаты на стальных черенках. С одной лезвия – острая заточка, с другой – выпилены зазубрены. Боевые лопаты. Ловко придумано! Тимоха был вооружён самодельным копьём с большим острым лезвием от кинжала.

Мы глянули из окон. Соседний корпус был недалеко, но на пути к нему бродили четверо шипастых. Как нас дожидались!

Уродливые твари. Лица сбиты до черепов, из тел, как иглы торчат осколки рёбер. У одного не было обеих рук по локти, но культы заканчивались острыми костями. Он мог кого угодно проколоть насквозь.

Было понятно, что шипастые побегут на нас сразу, как мы выйдем из корпуса.

– Дэн, «растяжка» с собой? – спросила Даяна.

Я кивнул. Мы спустились вниз, я подобрал сумки, отдал девушкам длинный стальной трос с двумя ручками на концах.

– Мы выходим первыми, кидаем их на землю, вы выбегаете следом и рубите их. Ясно? – сказала Даша.

Ребята из «Стальной братвы» озадаченно переглянулись.

Я неспешно размотал двери. Девушки вышли на улицу и вплотную друг к другу встали на краю дорожки, что вела к соседнему корпусу. Они ждали, пряча за спинами концы стального троса.

Пацаны всё ещё не понимали, что они задумали.

Шипастые заметили девонок, и с рёвом полетели на них. Даша и Даяна не шевелились. Ребята с волнением за этим наблюдали.

В последнюю секунду девушки бросились в стороны, присели на землю и натянули трос. Все четыре мертвяка споткнулись и треснулись головами о каменную плитку.

Старый трюк «Подружек». Всегда работает.

– Рубите! – скомандовала Даша.

Пацаны подбежали. Тимоха прижимал мертвяков копьём к земле. Андрюха и Лёха рубили лопатами руки, ноги и головы. Управились быстро.

Недолго думая, мы побежали к другому зданию. Там были разбиты стеклянные двери. На первом этаже, еле переставляя ноги, бродили две рыхлые фигуры.

– Чёрт, муховоды! – сказал Тимоха.

Да, противные мертвяки. Их гниющие тела сплошь покрыты дырами. Они как ходячие улы, но внутри не пчёлы, а зелёные мясные мухи. Такой у них симбиоз. Муховоды не слишком опасны, но при малейшей угрозе, способны исторгать из своих тел тысячи мух. Эти двое запросто сделают непроглядную жужжащую тучу, через которую не пройдёшь.

Но у нас было кое-что припасено для этих тварей. Я подал девушкам «газовые шашки». На самом деле это были баллончики с дихлофосом и кусочки изоленды для фиксации кнопок.

Не заходя в холл, Даша и Даяна бросили несколько «шашек» под ноги муховодам. Окутанные химическим облаком, мертвяки стали ходить чуть быстрее. При каждом шаге из них сыпались дохлые насекомые. Когда их на полу образовался целый слой, муховоды и сами рухнули, и рассыпались в труху. Плотность их тел сохраняется только за счёт живых насекомых. Без них они разваливаются.

– А вы хороши! – восхитился Лёха, его брат тоже был в восторге от того, как мы справились.

Тимоха, видимо, приревновав свою команду, начал меня задирать:

– погоди... У вас как всё устроено? Девочки дерутся, а ты типа сумки таскаешь?

– Да, я не борец, – с нажимом ответил я, моё терпение было на исходе. – Я отвечаю за экипировку и оружие. Это наш подход. Девочки дерутся, а я таскаю сумки. Чего докопался?

– Не! Я так, спрашиваю просто! – он посмеивался, но вскоре перестал, когда мы отыскали их друга Марка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.